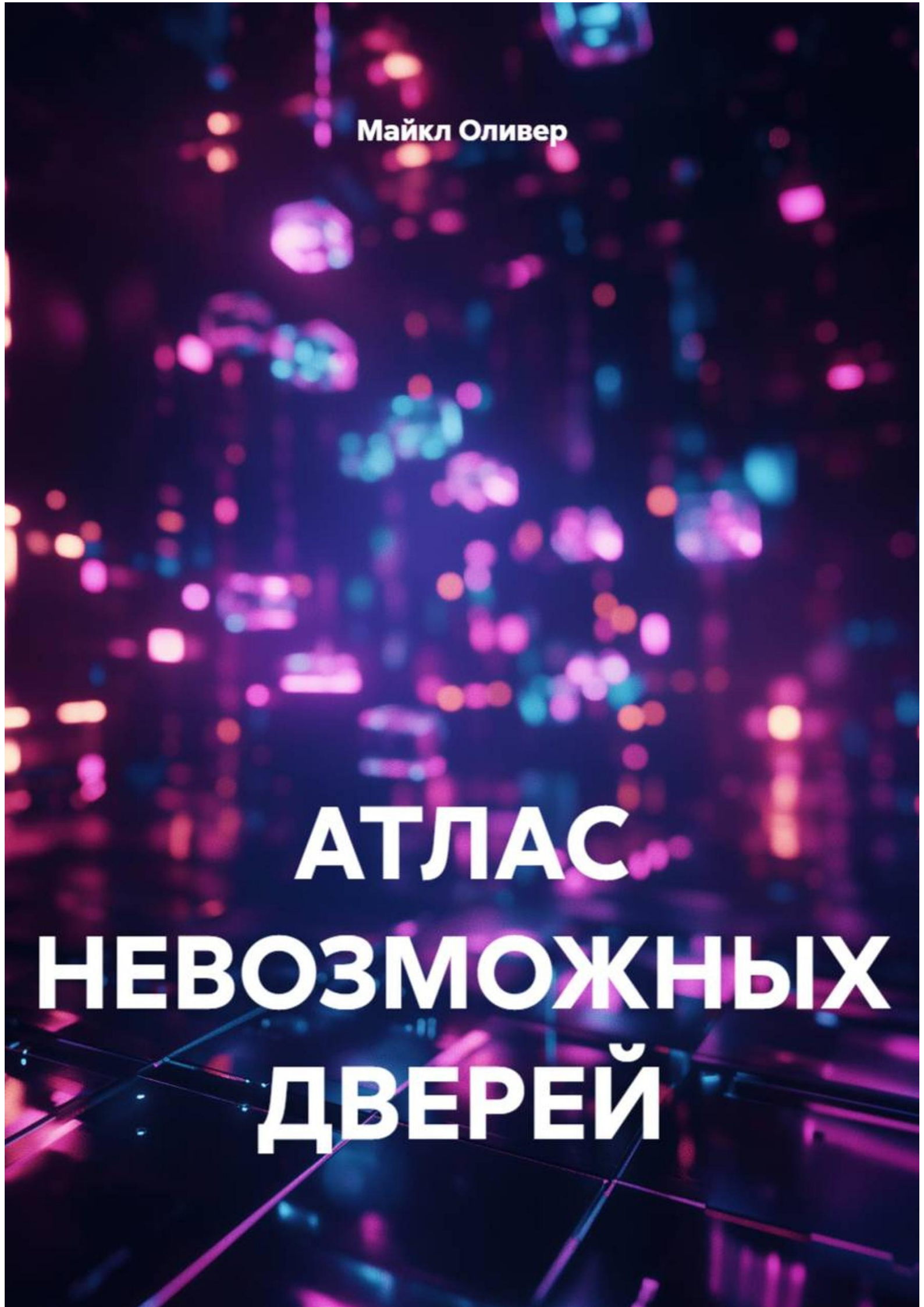

Майкл Оливер
АТЛАС НЕВОЗМОЖНЫХ ДВЕРЕЙ

Майкл Оливер

АТЛАС НЕВОЗМОЖНЫХ ДВЕРЕЙ

«Автор»
2026

Оливер М.

АТЛАС НЕВОЗМОЖНЫХ ДВЕРЕЙ / М. Оливер — «Автор», 2026

Возьмём от любимых вами книг не персонажей и узнаваемые сцены, а ощущение: открытие огромного волшебного мира, дружбу, хитроумные аферы, опасные путешествия и тайну, которую хочется разгадать раньше героев.

© Оливер М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Майкл Оливер
АТЛАС НЕВОЗМОЖНЫХ ДВЕРЕЙ

Глава 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОКОЙНИК НАНИМАЕТ ВОРА
Глава первая
Последняя просьба приличного человека

На похороны Альвара Весса я пришёл, чтобы украсть у него пуговицу.

Сам Весс предложил за это восемьсот золотых.

Восемьсот золотых — достаточно, чтобы купить дом в Верхнем городе. Или приличный корабль. Или, если не повезёт с картами, два исключительно поучительных вечера.

Я собирался купить мастерскую.

С окнами.

Человек, который двенадцать лет прожил в комнатах без окон, иногда ставит перед собой удивительно скромные цели.

Главная сложность заключалась не в краже. Срезать пуговицу с покойника способен даже начинающий вор, если покойник не возражает.

Сложность заключалась в том, что Альвар Весс умер позавчера, а нанял меня вчера вечером.

Письмо принёс мальчик с рыбьими глазами.

Не в переносном смысле. Вместо обычных глаз у него были вставлены два круглых стеклянных протеза, в каждом плавала крохотная серебряная рыбка.

Смотреть на него было неудобно: пока разговаривал с одной рыбкой, вторая разворачивалась ко мне хвостом.

— Матвей Клен?

— Он умер.

Мальчик достал из кармана конверт.

— Тогда передайте наследникам.

— Наследники тоже умерли.

— Здесь задаток.

Я открыл дверь шире.

Мальчик посмотрел на меня обеими рыбками.

— Сочувствую вашей семье.

В конверте лежали две сотни золотых, приглашение на похороны и лист плотной серой бумаги.

>Господин Клен.

>

>Завтра в полдень меня будут провожать в Саду Тишины при Коллегии Порогов.

>

>Прошу вас присутствовать.

>

>На моём погребальном камзоле будет девять серебряных пуговиц. Мне нужна третья сверху.

>

>Не подменяйте её. Не оставляйте муляж. Мне важно, чтобы пропажу обнаружили.

>

>Двести золотых вы уже получили. Ещё шестьсот получите после выполнения поручения.

>

>Не доверяйте человеку, который назовёт мою смерть несчастным случаем.

>

>Альвар Весс.

>

>P. S. Для вашего ремесла у вас слишком заметные руки. Перчатки прилагаются.

Перчатки действительно прилагались.

Тонкие, чёрные, моего размера.

Это мне не понравилось больше всего.

О смерти Весса я знал. Её обсуждал весь город.

Первый смотритель Коллегии Порогов, хранитель Девяти дорог, человек, благодаря которому дверь в соседней булочной могла открываться на другом конце материка, был найден мёртвым в собственной комнате.

Комната была заперта изнутри.

Окна тоже.

Единственная зарегистрированная дверь не открывалась с восьми вечера до семи утра.

Городские листки сообщали, что сердце смотрителя не выдержало напряжённой работы.

Городские листки вообще очень заботились о сердцах влиятельных людей.

Я перечитал письмо.

Потом пересчитал деньги.

Потом снова перечитал письмо.

В конце концов деньги оказались убедительнее.

На похоронах богатого человека всегда легко определить бедных родственников.

Они скорбят громче всех и время от времени оглядываются, не подают ли еду.

На похоронах Весса родственников не было.

Зато были люди, которым принадлежали склады, мосты, пристани, газеты, водопроводы и чужие надежды на достойную старость.

Все стояли под стеклянным куполом Сада Тишины.

Над нами висели корни деревьев.

Сами деревья росли этажом выше, а корни проникали сквозь зачарованные плиты и медленно покачивались в воздухе. Иногда с них падали капли. Каждая капля звенела, как маленький колокольчик.

Место было красивое.

Для воровства — ужасное.

Слишком много света.

У входа служитель попросил приглашение.

Я подал ему карточку.

Он провёл по краю ногтем, и на белой бумаге выступили чёрные буквы:

МАТВЕЙ КЛЕН. ЛИЧНЫЙ ГОСТЬ.

Служитель поднял глаза.

— Господин Клен?

— Если вы собираетесь вручить мне счёт, то нет.

Он не улыбнулся.

Люди, работающие на похоронах, редко ценят хорошее вступление.

— Вас просили проводить к первому ряду.

Это было неприятно.

Первый ряд — место, где тебя видят все. Хорошие места для вора начинаются ближе к выходу.

— Не стоит беспокоиться.

— На этом настаивал господин Весс.

— Когда?

Служитель посмотрел в карточку.

— Вчера, в девятнадцать часов сорок две минуты.

Я почувствовал холод под воротником.

— Вчера?

— Так указано в распоряжении.

— А умер он…

— Позавчера, сударь.

Служитель произнёс это с укором. Видимо, личным гостям полагалось помнить такие подробности.

Меня посадили рядом с женщиной в зелёных перчатках. На каждом пальце у неё было по кольцу, кроме безымянного.

Безымянного пальца не было.

Она скользнула взглядом по моему костюму.

Костюм принадлежал старшему помощнику городского казначея. В настоящее время помощник, вероятно, искал его по всему дому.

— Вы ученик? — спросила женщина.

— В некотором смысле.

— Не видела вас в Коллегии.

— Я редко показываюсь преподавателям.

— Разумно.

Она отвернулась.

В центре сада на каменном возвышении стоял открытый гроб.

Альвар Весс оказался маленьким человеком.

При жизни его обычно изображали на фоне огромных дверей, и я почему-то представлял, что ростом он под стать собственной известности.

На нём был тёмно-синий камзол.

Девять серебряных пуговиц.

Третья сверху чуть отличалась от остальных: на ней виднелась царапина в форме полумесяца.

Возле гроба стояла девушка примерно моих лет, в серой рабочей куртке. Ни украшений, ни траурной ленты. На левом рукаве — прожжённое пятно.

Она не смотрела на покойника.

Она смотрела на дверь.

Каждый раз, когда та открывалась.

Я отметил это на будущее.

В моём ремесле люди, следящие за выходами, бывают либо коллегами, либо неприятностями.

Иногда — привлекательными неприятностями.

Рядом с девушкой выстроились шестеро преподавателей. Их должность выдавали белые воротники и выражение лиц, свойственное людям, которых часто цитируют в собственном присутствии.

Седьмой поднялся на возвышение.

Высокий, гладко выбритый, с серебряной цепью на груди.

— Друзья, — начал он. — Для всех нас уход Альвара стал невосполнимой потерей.

Женщина рядом со мной осторожно сняла одно кольцо, подышала на камень и надела обратно.

— Мы до сих пор не можем поверить, что несчастный случай…

Я посмотрел на оратора внимательнее.

Человек из письма нашёлся быстро.

— Кто это? — шепнул я соседке.

Она ответила, не поворачивая головы:

— Второй смотритель. Господин Северин Роут.

— Они были близки?

— Теперь уже нет.

Мне начинала нравиться эта женщина.

Роут говорил ещё девять минут.

За это время я рассмотрел охранников, служителей, расположение выходов и серебряную нить, протянутую у основания гроба.

Нить была сигнальной.

Дотронешься до покойника без разрешения — зазвенит.

Очень предусмотрительно.

Я сунул руку в карман.

Перчатки, присланные Вессом, были гладкими снаружи и неожиданно шероховатыми внутри. На ладони левой перчатки прощупывались три жёсткие точки.

Я опустил глаза.

К ткани изнутри были пришиты крошечные стеклянные бусины.

Такие использовали грузчики на складах с охранными печатями: бусины отводили сигнальное прикосновение в пол.

Значит, Весс знал о нити.

Знал мой размер.

Знал моё имя.

И очень хотел, чтобы я оставил в его камзоле дыру.

Роут наконец закончил.

Наступило время прощания.

Люди по одному подходили к гробу, склоняли головы и говорили покойнику то, чего при жизни он, вероятно, никогда от них не слышал.

Кто-то плакал.

Кто-то проверял, кто заметил его слёзы.

Девушка в серой куртке первой подошла к возвышению. Положила в гроб маленький ржавый винт.

Потом наклонилась к Вессу и что-то сказала.

Я не услышал слов.

Зато заметил: на большом пальце правой руки у неё была синяя краска.

Такая же краска, как у меня на рукаве.

Я задел окрашенную дверь, когда входил.

Девушка провела пальцем по краю гроба и отошла к дальней стене.

Настала моя очередь.

Я встал.

По дороге к возвышению наступил на подол пожилой дамы, извинился, помог ей удержать равновесие и заодно позаимствовал булавку с траурной ленты.

Лезвие в рукаве — вещь полезная.

Булавка, если правильно заточена, полезнее.

У гроба пахло можжевельником и горьким маслом.

Весс лежал спокойно, будто выслушивал не особенно умного собеседника.

На правой щеке у него темнел свежий порез.

Плохо побрили, подумал я.

Потом увидел руки.

Под ногтями покойника была синяя краска.

Я замер.

— Проходите, господин, — тихо сказал служитель за моей спиной.

Я склонил голову.

Левой рукой коснулся края гроба.

Стеклянные бусины коротко нагрелись.

Сигнальная нить не звякнула.

Правой я поддел ножку третьей пуговицы.

Обычно на такую работу уходит меньше вдоха.

Эту пуговицу пришили медной проволокой.

Причём изнутри.

Я едва не рассмеялся.

Покойник был человеком основательным.

Пришлось сделать вид, что я глубоко потрясён, прикрыть лицо ладонью, второй рукой достать тонкий крючок и через прорезь в подкладке потянуть проволоку наружу.

За спиной закашляли.

Служитель переминался с ноги на ногу.

На виске у меня выступил пот.

Проволока поддалась.

Пуговица легла в ладонь.

И в этот момент мёртвый Альвар Весс открыл глаза.

Я выронил булавку.

Точнее, почти выронил. Хорошего вора даже ужас не должен лишать инструмента.

Глаза покойника были чёрными.

Не тёмными.

Чёрными целиком, как две капли чернил.

Его губы не двигались.

Но откуда-то из-под моего большого пальца прозвучал тихий голос:

— Матвей. Не оборачивайтесь.

Я перестал дышать.

— Кто-нибудь смотрит на вас?

Я скосил глаза.

Служитель смотрел.

Двое охранников смотрели.

Половина первого ряда смотрела.

— Да, — прошептал я.

— Тогда изобразите обморок.

Из всех советов, полученных мною за двадцать три года, этот оказался самым простым для исполнения.

Я качнулся назад.

Служитель подхватил меня под локоть.

Я сжал пуговицу.

Глаза Весса закрылись.

— Прошу прощения, — сказал я сдавленным голосом. — Я тяжело переношу…

И тут над садом раздался низкий медный звон.

Все девять дверей закрылись одновременно.

Даже та, которую держал ногой запоздавший гость.

Он вскрикнул.

На стеклянном куполе проступили красные буквы:

НАРУШЕНИЕ СОХРАННОСТИ ОСТАНКОВ.

Я посмотрел на пуговицу в своей руке.

Потом на перчатки.

Покойник предусмотрел сигнальную нить.

Но почему-то не предупредил обо всём остальном.

— Никому не двигаться, — произнёс второй смотритель.

Охранники развернулись лицом к гостям.

Роут подошёл к гробу.

Посмотрел на камзол.

На пустое место между второй и четвёртой пуговицами.

Потом на меня.

Он не выглядел удивлённым.

Вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

Глава 2

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.